

А. Я. Перна.

(Воспоминанія друга).

Александръ (Эльмаръ) Яковлевичъ Перна родился 6-го декабря 1878 года въ семьѣ народнаго учителя Эстляндской губерніи. Большую часть дѣтства и ранней юности онъ провелъ въ селѣ Смоленскомъ (близъ Петрограда), гдѣ служилъ тогда его отчимъ. Обучался А. Я. въ Петроградской 7-й гимназійи и уже съ гимназическихъ лѣтъ проявлялъ особенный интересъ къ естествознанію. Объ этомъ свидѣлствуютъ составленныя имъ, вмѣстѣ съ его братомъ-близнецомъ Николаемъ Яковлевичемъ (нынѣ докторомъ медицины), разнообразныя и художественно-подобранныя коллекціи по ботаникѣ и зоологійи. По окончаніи гимназійи въ 1898 году, Александръ Яковлевичъ поступилъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Петроградскаго Университета и первоначально особенно увлекался органической химіей, усердно работалъ въ лабораторіи покойнаго профессора Н. А. Меншуткина. Своими выдающимися способностями и исключительной добросовѣстностью онъ скоро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ-натуралистовъ, которые распознали въ скромномъ и застѣнчивомъ студентѣ будущаго ученаго и удостоили преміи его первую крупную студенческую работу. На послѣднемъ курсѣ Александръ Яковлевичъ глубоко заинтересовался геологіей. Это побудило его по окончаніи въ 1902 году Университета, поступить въ Горный Институтъ. Въ 1905 году онъ временно выбылъ изъ него по собственному желанію и ѣхалъ въ Англію, поступивъ воспитателемъ къ сыну извѣстнаго Черткова (друга Л. Н. Толстого), проживавшаго тогда въ Борнемаутѣ (близъ Портсмута). Довольно продолжительное пребываніе въ семьѣ Черткова, а затѣмъ знакомство съ Л. Н. Толстымъ и житье въ Ясной Полянѣ оказали замѣтное вліяніе на Александра Яковлевича, углубивъ присущій ему и ранѣе интересъ къ религіозно-философскимъ проблемамъ и такъ называемымъ „тревожнымъ вопросамъ бытія“. Однако глубокое проникновеніе въ эти вопросы не помѣшало занятіямъ Александра Яковлевича по избранной имъ научной спеціальности. Онъ вернулся въ Горный Институтъ и, окончивъ его, принялъ должность помощника хранителя Горнаго музея. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ обыкновенно на Уралѣ, занимаясь геологическими изысканіями. Уралъ былъ какъ то особенно дорогъ сердцу Александра Яковлевича, впервые посѣтившаго его въ 1898 году, передъ своимъ поступленіемъ въ Университетъ. Весною 1916 года Александръ Яковлевичъ защитилъ диссертацию на должность адъюнкта по кафедрѣ палеонтологіи и готовился къ чтенію лекцій въ учреждаемомъ въ настоящее время въ Горномъ Институтѣ въ Екатеринбургѣ. Но судьба рѣшила иначе... 3-го декабря 1916 года онъ скончался въ одномъ изъ финляндскихъ пансіонатовъ, куда чуть не наканунѣ пріѣхалъ для поправленія здоровья. 10-го декабря, какъ разъ въ тотъ день, когда ему должно было минуть 38 лѣтъ, его

тѣло прибыло въ Петроградъ, и въ этотъ день на его квартирѣ совершена была первая панихида по немъ. Александръ Яковлѣвичъ скончался отъ порока сердца. Этотъ недугъ, вызванный, повидимому, перенесеннымъ имъ въ дѣтствѣ дифтеритомъ, развивался постепенно. Его развитію несомнѣнно способствовала страсть Александра Яковлевича къ путешествіямъ пѣшкомъ: въ бытность свою студентомъ онъ исходилъ весь Крымъ; въ теченіе трехъ недѣль онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и товарищемъ, прошелъ не менѣе 700 верстъ по Швейцаріи. Вредно вліялъ на его здоровье также усвоенный имъ чисто спартанскій образъ жизни. Онъ намѣренно приучалъ себя ко всевозможнымъ лишениямъ. Такъ, напримѣръ, во время путешествій онъ сплошь и рядомъ ночевалъ подъ открытымъ небомъ въ лѣсу или въ какомъ нибудь сараѣ; на Уралѣ жилъ въ помѣщеніи, крыша котораго была совершенно дырявой, довольствовался незатѣйливой кухней башкиръ. Вегетаріанство, увлекшее Александра Яковлевича, не поправило его здоровья. Онъ настолько исхудалъ, что несмотря на присущую ему общительность, сталъ уклоняться отъ посѣщенія своихъ знакомыхъ и друзей: его угнетали ихъ соболѣзнованія по поводу его здоровья, ихъ медицинскіе совѣты. Онъ какъ то замкнулся въ себѣ, всецѣло отдался научной и педагогической дѣятельности и до крайности переутомилъ свои надорванныя силы. Болѣзнь сердца шла ускореннымъ темпомъ. Приблизительно годъ тому назадъ появились зловѣщіе признаки: боли и онѣмѣніе ноги, отъ разстройства кровообращенія, и весною 1916 года, вскорѣ послѣ защиты своей диссертациі, онъ съ тихой грустью, но съ удивительнымъ, стоическимъ самообладаніемъ говорилъ, что ему недолго осталось жить. Лѣтомъ онъ поѣхалъ съ товарищемъ въ Крымъ и возобновилъ тамъ пѣшеходныя странствованія. Трудно сказать, пытался ли онъ такимъ форсированіемъ своихъ силъ преодолѣть болѣзнь (какъ онъ дѣлалъ это и прежде), или же предпринялъ это путешествіе съ цѣлью отдать послѣднюю дань молодости, забыться на время отъ надвигающихся на него призраковъ смерти, взглянуть на голубое море, на стройные кипарисы, на изящные изгибы Крымскихъ горъ, чтобы затѣмъ... умереть. Поѣздка оказалась роковой: съ осени этого года Александръ Яковлѣвичъ началъ страдать мучительными сердечными припадками, предвѣстниками близкой смерти. Онъ переносилъ ихъ безъ проклятій, безъ стоновъ и жалобъ. Даже самые близкіе друзья лишь случайно узнавали о его болѣзни. Объ удивительномъ самообладаніи Александра Яковлѣвича и его настроеніи незадолго до кончины свидѣтельствуетъ одно изъ его послѣднихъ писемъ, адресованное его закадычному другу, не знавшему о серьезности его болѣзни и предложившему ему занять отвѣтственную должность въ учрежденіи, образованномъ по военнымъ обстоятельствамъ. Вотъ что писалъ Александръ Яковлѣвичъ 23-го октября 1916 года въ отвѣтъ на предложеніе:

„Дорогой другъ, я былъ очень тронутъ твоимъ предложеніемъ и по нѣкоторымъ причинамъ хотѣлъ бы принять его. Во-первыхъ, я былъ бы радъ принять участіе въ дѣлѣ, имѣющемъ отношеніе къ современнымъ событіямъ (если не ошибаюсь, твое предложеніе относится къ числу таковыхъ), такъ какъ часто чувствую какую-то неловкость, что я держусь въ сторонѣ отъ общей жизни и занимаюсь своимъ дѣломъ, какъ будто ничего въ мірѣ и не произошло. Затѣмъ, насколько я понялъ изъ твоихъ словъ, я могъ бы оказать нѣкоторую помощь и тебѣ, что мнѣ было бы также пріятно. Наконецъ, не стану скрывать, что не отказался бы и отъ возможности получить добавочный заработокъ: становится немного трудно жить на тѣ средства, на какія жилъ до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе обстоятельства принуждаютъ меня отказаться. Дѣло въ томъ, что у меня порокъ сердца (стенозъ лѣваго устья), который принуждаетъ меня избѣгать всякой лишней работы. Поэтому совмѣстить какую-нибудь постоянную работу со своей службой въ Горномъ Институтѣ я не могу. Отказаться же отъ работы здѣсь, по мно-

гимъ причинамъ, также не могу. Одна изъ причинъ та, что я не могу быть увѣренъ, что еще долго проживу (порокъ проявляется у меня уже въ довольно сильной степени) и поэтому я хотѣлъ бы по возможности закончить или вообще продвинуть впередъ тѣ начатыя мною работы, которыя дороги мнѣ, потому что я привыкъ посвящать имъ свои мысли. Поэтому очень прошу тебя не досадовать на меня за мой отказъ. При иныхъ обстоятельствахъ я не сталъ бы долго колебаться“.

Находящемуся на фронтѣ своему нѣжно любимому брату Александръ Яковлевичъ сообщилъ о серьезности своей болѣзни такъ недавно, что тотъ могъ приняться за отвѣтное письмо лишь 2-го декабря, и этотъ отвѣтъ пришелъ въ Петроградъ уже послѣ погребенія Александра Яковлевича. Сердечные припадки порою приковывали Александра Яковлевича къ постели. Оставшіяся послѣ Александра Яковлевича записки свидѣтельствуютъ о томъ по истинѣ исключительномъ самообладаніи, съ которымъ онъ переносилъ эти припадки. При пульсѣ въ 120—150 ударовъ, при мучительной одышкѣ, не дававшей ему возможности не только спать, но даже лежать спокойно, онъ составлялъ свои „ночныя записки“. Въ нихъ онъ выражалъ увѣренность, что смерть его можетъ наступить каждое мгновеніе, но печаловался лишь о томъ, что она огорчитъ его родныхъ, тревожился лишь о томъ, что его братъ будетъ нравственно страдать, если „опоздаетъ“ пріѣхать съ фронта и не застанетъ его въ живыхъ. Но большая часть записокъ посвящена философскимъ разсужденіямъ о смерти, полному примиренію съ ней. Лишь съ большимъ трудомъ удалось докторамъ убѣдить его отправиться въ Финляндію. Младшая сестра проводила его въ пансіонатъ около станціи Мустамяки. Пріѣхавъ туда, Александръ Яковлевичъ, по ея словамъ, настолько пріободрился и такъ оживленно бесѣдовалъ съ нею, что она признала вполне возможнымъ оставить его тамъ одного. Простившись съ сестрой, Александръ Яковлевичъ принялся за чтеніе. До 12½ часовъ ночи въ его комнатѣ былъ виденъ свѣтъ. Утромъ не могли къ нему достучаться и, когда открыли дверь, то нашли его мертвымъ: вѣроятно, онъ скончался во снѣ...

Въ лицѣ Александра Яковлевича наша родина потеряла не только талантливаго молодого ученаго, подававшаго несомнѣнно большія надежды, но исключительнаго по своимъ высокимъ нравственнымъ достоинствамъ человека и своеобразнаго глубокаго мыслителя-философа. Александръ Яковлевичъ представлялъ собою какъ бы воплощеніе мягкости, незлобивости, доброжелательства и самой возвышенной нравственной красоты. Онъ не только никогда никого ничѣмъ не обидѣлъ, но, кажется, никогда ни съ кѣмъ не былъ въ ссорѣ. Разсердиться на него было невозможно: настолько безупречны были всегда его поступки и сужденія. Обаяніе личности Александра Яковлевича испытывали всѣ соприкасавшіеся съ нимъ: и дѣти, и взрослые. Въ годы студенчества ему не разъ приходилось быть воспитателемъ при дѣтяхъ, и онъ зарекомендовалъ себя какъ превосходный педагогъ. Онъ умѣлъ деликатно и незамѣтно подчинить питомца своему вліянію, облагородить его характеръ, пробудить лучшіе инстинкты, внушить живой интересъ къ знанію. Среди товарищей Александръ Яковлевичъ пользовался неизмѣннымъ уваженіемъ и сердечной любовью. Его мягкость производила чарующее впечатлѣніе. Она не измѣняла ему даже при горячихъ спорахъ. Онъ всегда уважалъ чужое мнѣніе, бережно относился къ нему, и если оспаривалъ его, то дѣлалъ это безъ личныхъ выпадовъ, безъ полемическаго задора, безъ желчности, безъ сарказма. Центръ тяжести его умственныхъ интересовъ лежалъ въ области научныхъ и, такъ сказать, сверхъ-научныхъ вопросовъ. Особенно манили его тайны мірозданья, религіозныя системы, проблема безсмертія души, міровыя загадки. Его пытливый умъ старался перешагнуть грань, отдѣляющую гочную науку отъ метафизики, жадно устремлялся изъ міра явленій въ трансцендентную область. Результаты своихъ напряженныхъ размышленій

надъ этими тревожными вопросами Александръ Яковлевичъ изложилъ въ своеобразной цѣльной философской системѣ, Эта система (къ сожалѣнію, не появившаяся въ печати) настолько продумана и логически обоснована, что даже лица со спеціальнымъ философскимъ образованіемъ едва ли найдутъ въ ней погрѣшности.

Будучи незауряднымъ ученымъ и глубокимъ мыслителемъ А. Я. никогда не драпировался въ ученую тогу, не старался взобраться на философскій пьедесталъ, не проникался самомиѣніемъ спеціалиста. Простота, скромность и разносторонность—замѣтнѣйшія свойства его! Онъ горячо любилъ жизнь во всѣхъ ея прекрасныхъ или интересныхъ проявленіяхъ. Онъ увлекался музыкой, живописью, литературой, техникой. Какъ техникъ, онъ отличался большимъ искусствомъ: такъ, напримѣръ, А. Я. кустарнымъ способомъ соорудилъ фотографическую камеру, въ которой одинъ лишь объективъ былъ сдѣланъ не его руками, всѣ же прочія части, даже затворы были имъ устроены самолично. Въ товарищеской средѣ онъ былъ веселымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ; въ роли воспитателя—изобрѣтателемъ самыхъ интересныхъ развлеченій для своихъ питомцевъ, искуснѣйшимъ организаторомъ физическихъ упражненій и игръ. Онъ умѣлъ находить въ жизни чистыя и свѣтлыя радости...

Лишь въ послѣдніе годы жизни облако тихой грусти прочно залегло на лицѣ А. Я., и его добрая улыбка приобрѣла какой-то страдальческій оттѣнокъ. Трудно сказать, что явилось причиной этого: развивающаяся ли болѣзнь сердца, или сосредоточенныя думы, навѣяанныя на А. Я. внимательнымъ изученіемъ буддизма. Эту религіозную систему онъ очень интересовался и въ 1912 году въ какомъ-то научномъ кружкѣ прочелъ докладъ, имѣвшій цѣлью выяснить „реальную цѣнность и жизненное значеніе ученія буддизма съ точки зрѣнія современнаго человѣка, воспитаннаго на естественныхъ наукахъ“. Этотъ докладъ не былъ напечатанъ, такъ какъ А. Я. признавалъ его требующимъ дальнѣйшей разработки. Но мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькую выдержку изъ этого доклада, потому что она хоть нѣсколько приподнимаетъ завѣсу, скрывающую отъ насъ ту уединенную лабораторію мысли, въ которую замкнулся А. Я. въ послѣдніе годы своей недолгой жизни.

Вотъ что писалъ между прочимъ А. Я. въ своемъ докладѣ:

„Будда говорилъ, что всякое личное существованіе есть страданіе. Мы же должны сказать, что жизнь человѣческая есть страданіе. Жизнь человѣка только одинъ эпизодъ въ жизни вообще, и эпизодъ полный страданій, мрака и тягости. Къ такому выводу приходитъ во-первыхъ, естественникъ, разсматривающій глазами эволюціониста весь ходъ развитія жизни. Появленіе человѣка сопровождается возникновеніемъ страданій. Человѣческій организмъ—переходный, неуравновѣшенный какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи. Разныя стороны развиты въ немъ не гармонично; одиѣ достигаютъ огромныхъ размѣровъ, какъ мыслительная сила; другіе же—въ примитивномъ состояніи, какъ врожденные предохранительные инстинкты. Слѣдствіемъ этого является одурманиваніе, развратъ, многочисленныя болѣзни. Во-вторыхъ, и съ точки зрѣнія этико-религіозной мы приходимъ къ тому же. Мы знаемъ, что въ человѣческой жизни впервые появляется зло, т. е. поступки, содержащіе въ себѣ внутреннее противорѣчіе: съ одной стороны мы сознаемъ, что они дурны, съ другой неудержимо стремимся совершить ихъ. Фантазія человѣческая олицетворяетъ зло въ образѣ злого духа, портящаго дѣла благого Бога. Стало быть, можно сказать, что съ появленіемъ человѣка появился въ жизни дьяволъ, котораго раньше не было. Наконецъ, каждый изъ насъ сознаетъ въ самомъ себѣ непрерывное недовольство. Довольство и счастье мы ищемъ или въ далекомъ прошломъ, младенческомъ состояніи человечества и рисуемъ себѣ его тогда какъ непосредственное наслажденіе дарами жизни: красотой, личной лю-

бовью, общеніемъ съ природой. Или же мы ищемъ его въ далекомъ будущемъ въ видѣ идеаловъ религіозныхъ. Настоящее же наше, т.-е. нормальная человѣческая жизнь, для насъ дурна и полна страданій. Нашему счастью мѣшаютъ и жестокости, творимыя надъ угнетенными народами, и страданія умирающихъ отъ голода и нищеты, и многія другія язвы человѣческой жизни, и, наконецъ, собственный страхъ нашъ передъ болѣзнью, старостью и смертью. И на такое страдальческое бытіе мы обречены безъ освобожденія. Смерть не освобождаетъ насъ, ибо послѣ смерти я опять есмь. И хотя я есмь какъ бы заново и съ новой надеждой юности вступаю въ жизнь,—но скоро тревоженіе Самсары (круговорота жизни) захватываютъ меня, и я опять сознаю себя обреченнымъ на страданія. Такимъ образомъ вѣчный круговоротъ страданій Самсары несомнѣненъ; и неизбѣженъ, если мы не найдемъ пути освобожденія“.

Этотъ путь къ Нирванѣ А. Я., согласно ученію Будды, усматриваетъ въ отказѣ отъ „злыхъ желаній“, основанныхъ на утвержденіи отдѣльности нашей личности; (такое утвержденіе, по мнѣнію Будды,—единственная основа зла, источника страданій), въ стремленіи къ единенію съ другими сознаніями, проявляющемся въ любви къ ближнимъ.

„По мѣрѣ усиленія въ людяхъ чувства любви“, пишетъ А. Я., „постепенно будетъ ослабѣвать рѣзкое различіе одного я отъ другого... все тоньше и тоньше будетъ дѣлаться та непроницаемая стѣна, которая сейчасъ отдѣляетъ меня отъ тебя, пока не растаетъ совершенно въ Нирванѣ... Нирвана есть уничтоженіе страданій Самсары, но не уничтоженіе бытія. Нирвана—уничтоженіе личнаго бытія, уничтоженіе человѣческой жизни, но начало нѣкоторой новой стадіи бытія, для насъ. ограниченныхъ личностей, совершенно невѣдомой. Бытіе Нирваны будетъ въ неизмѣримое число разъ интенсивнѣе нашего сейчасшаго, и въ то же время это будетъ блаженный покой, ибо не будетъ въ немъ тревожныхъ противорѣчій, мученій грѣховности и страха смерти: Въ немъ будутъ безпредѣльно великія переживанія и познаніе невѣдомой для насъ новой вселенной,— и въ то же время бытіе Нирваны будетъ свято и невинно, какъ сознаніе ребенка. Въ сравненіи съ отдѣльной жизнью каждаго изъ насъ Нирвана будетъ какъ океанъ въ сравненіи съ отдѣльной каплей“.

Александръ Яковлевичъ, никогда не имѣвшій злыхъ стремленій и такъ горячо любившій своихъ ближнихъ, несомнѣнно достигъ Нирваны. Но мы его друзья, продолжающіе Самсару, предпочли бы, чтобы его „я“, согласно ученію того же Будды, „возсоздалось“ въ комъ-нибудь изъ окружающихъ насъ. Слишкомъ цѣнно для насъ его я, представляющее собою такое совершенное гармоническое сочетаніе всѣхъ лучшихъ переживаній, всѣхъ прекрасныхъ свойствъ человѣческой души, и намъ безконечно жаль уступить его даже Нирванѣ!

Ал. Боргманъ.